

ДЕТЕКТИВ-БЕСТСЕЛЛЕР ХХІ

Посвящается
моему брату Жюльену

Пролог

*24 января 1959 года, суббота
Округ Сильвер-Лейк, Лос-Анджелес*

Когда она открывает дверь, дневной свет ослепляет ее. Она подносит руку козырьком к глазам, носящим следы бессонной ночи. Косметика, которую она нанесла, плохо скрывает осунувшиеся черты лица. Ее разум — сумрачное болото, и голубое небо над Лос-Анджелесом кажется ей чем-то неестественным, почти аномалией.

Она закрывает за собой дверь, на мгновение останавливается на крыльце — ровно настолько, чтобыхватило времени вынуть из сумки солнечные очки. Она поправляет на голове шляпу-таблетку и спускается на три ступеньки, отделяющие ее от аллеи.

Она поворачивает голову в сторону редкой изгороди, окаймляющей участок. В соседнем доме в окне первого этажа она различает неподвижный силуэт. Его она и ожидала увидеть. Вера Андерсон... Вечно настороже, все время выслеживает малейшее движение по соседству — развлечение не хуже других, заполняющее пустоту однообразного существования.

«Актриска куда-то отправилась», — скажет она несколькими секундами позже своему мужу с нотками ревности и осуждения в голосе — мадам Андерсон не из тех, кто ходит в кино. «Все эти голливудские актриски — развратницы!» — должно быть, думает она всякий раз, увидев ее. Она представляет себе их обоих в семейной кухне: она чистит раковину, уже и без того сверкающую, он читает ежедневные новости, попивая уже одиннадцатую, если не

больше, чашку кофе. Возможно, муж, чтобы ее увидеть, резко поднял голову от своей газеты. В конце концов, эта девица очень скоро станет знаменитой и сделается превосходной темой для разговоров на скучных дружеских вечеринках.

Сдержанный жест рукой, чтобы поприветствовать соседку. За окном женщина отвечает на него, но, без сомнения, в уголках ее губ появляется легкая презрительная гримаска.

Она отводит взгляд, водружая на нос очки. Надетая в первый раз пара обуви причиняет боль, и ей приходится сделать усилие, чтобы пройти до гаража непринужденной походкой.

Она устраивается в «Шевроле», поспешно включает зажигание и трогается с места. В глубине души она знает, что еще есть время отступить и признать свои ошибки. Но неясная сила удерживает ее здесь. Часть ее существа остается привязанной к этому дому, где она предпочла бы провести всю оставшуюся жизнь. Но жребий брошен, решение принято несколько часов назад.

Пока машина выезжает на улицу, она бросает последний взгляд на очаровательный фасад дома и сад — такой безукоризненно ухоженный. Она опускает стекло и зажигает сигарету — первую за день. Облако дыма проникает ей в легкие, на несколько секунд успокаивает ее, но затем тревога и страх снова овладевают ею.

Элизабет Бадина никогда не увидит на стенах этого города ни своего имени, ни своего лица. Ей никогда не будут восторгаться молчаливые толпы в кинозалах. И, что тяжелее всего, даже это имя больше не вызовет у нее никаких чувств.

Через несколько минут она снова станет девушкой из толпы, которой всегда была и которой ей следовало бы оставаться.

Отныне ее жизнь станет лишь ночным кошмаром наяву.

Часть первая

Чтобы заниматься кино, вовсе не обязательно быть безумцем. Но это очень помогает.

*Сэмюэл Голдвин*¹

1

Все началось с обычного телефонного звонка на следующий день после празднования моего сорокалетия. Когда, сразу после полудня 26 августа 1998 года, в моей квартире раздался звук телефона, я еще валялся в кровати, чуть под хмельком. У меня не было ни сил, ни присутствия духа снять трубку, и только к середине дня я обнаружил на автоответчике послание, которому было суждено перевернуть мою жизнь.

К себе я вернулся на рассвете. Накануне мой друг и агент Катберт Сент-Луис устроил праздник-сюрприз в мою честь. Так как он знал, что я терпеть не могу сюрпризы и еще больше не люблю дни рождения, он счел за лучшее посвятить меня в тайну и заставить отрешиться от своего появления.

— Чутьочку опоздай, так будет более правдоподобно. И ради бога, Дэвид, не строй эту свою рожу!

— Какую еще рожу?

— Ты сам прекрасно знаешь. Ту, которая производит на всех впечатление, будто за тобой водятся какие-то грешки, — ответил он, изобразив крайне сокрушенный вид. — Прямо Никсон, у которого Дэвид Фрост выпытывает всю подноготную!²

---

¹ Сэмюэл Голдвин (1879–1974) — голливудский продюсер, создатель и руководитель ряда известных киностудий.

² Дэвид Пэрэдайн Фрост (1939–2013) — британский телевизионный журналист, взявший интервью у Никсона после его отставки.

Я сказал водителю такси высадить меня в Верхнем Ист-Сайде за три улицы от квартиры Катберта, чтобы немного пройтись и настроиться на предстоящее мероприятие. Как он мне до этого объяснил, предполагается, что я иду к нему поужинать в небольшой дружеской компании. Итак, я захожу, весь такой свободный и непринужденный, с бутылкой «Ридж Виньярдс Монте Белло» за 200 долларов — Катберта устроил лишь тот вариант, когда я приношу калифорнийское вино.

Переступив порог и услышав «С днем рождения тебя!» в исполнении тридцати гостей, испускающих самые немзыкальные трели, я должен буду изобразить удивление, безуспешно пытаясь выбросить из головы образ Ричарда Никсона, вжавшегося в грязно-бежевое кресло, слишком низкое для него, и объявляющего перед камерой: «Я совершил ошибки, в том числе ужасные и недостойные президента...»

Посреди радостного хорового исполнения я заметил хозяина дома с бокалом в руке. Он украдкой поднял большой палец, давая мне понять, что я играю свою роль лучше не бывает. Или, может быть, он просто хотел сделать мне приятное. В не такие уж давние времена ничего так не опьяняло меня заранее, как перспектива оказаться в центре внимания, насладиться положением важной персоны, одно появление которой способно сместить центр тяжести комнаты. Но в тот вечер я испытывал лишь смущение и то неприятное ощущение, будто я узурпатор, который еще удивляется, что ему оказывают столько почестей. Не давая мне времени даже вставить слово, Катберт дружески стукнул меня по спине, забирая бутылку.

— Веселого дня рождения, старик! Хм... превосходный выбор!

Я безропотно вытерпел заученные банальные комментарии нескольких гостей относительно большого прыжка в сорокалетие и неумолимых разрушительных следов времени. 40 лет... Когда мне случилось думать о своем воз-

расте, то есть все чаще и чаще, я осознавал, что прожил половину жизни, не совершив ничего выдающегося, — я думал, что Моцарт умер в 35 лет, оставив после себя собрание музыкальных пьес из 626 произведений. В своей порочности я дошел до того, что однажды проверил информацию по каталогу Кёхеля¹. Катберт уже пересек роковую черту пятидесятилетия, но, судя по всему, несокрушимый оптимизм служил ему защитой от времени. Его ни капли не изменило даже коронарное шунтирование, перенесенное два года назад. Катберт слишком много пил, слишком много курил и уже давно превысил предел избыточного веса, что, очевидно, не мешало ему чувствовать себя в расцвете сил. По его словам, чем сильнее у него седеют волосы и обозначается брюшко, тем больше он нравится женщинам. Можно было бы принять это за обычное бахвальство, но меня всегда поражало, насколько притягательным Катберт является для представительниц прекрасного пола, даже когда дамы не знают цифру его банковского счета.

Размеры у квартиры Катберта были просто неприличные. В ней насчитывалось шесть спален, три ваннные комнаты, бильярдный зал, кабинет, в который тот никогда и носа не показывал, и гостиная, в два или три раза просторней средней нью-йоркской квартиры. Хотя работа агента прекрасно оплачивалась, большей частью своего состояния он был обязан наследству отца — богатейшего промышленника из Чикаго, который сделал непродолжительную карьеру у республиканцев в 80-х, пока приключение со стриптизершей, по возрасту годящейся ему в дочери, не вынудило его подать в отставку. И развестись...

Я искал взглядом знакомые лица. Самым странным на этом празднике — моем, кстати говоря, — было то, что я почти никого здесь не знал. Я чувствовал себя будто

---

¹ Полный список произведений Моцарта.

мальчишка, который поступил в новую школу и, вконец сконфуженный, стоит во дворе, куда все вышли на перемену. Я так до конца и не поверил в поговорку, что друзья моих друзей — мои друзья. Если бы три четверти присутствующих сейчас в квартире исчезли с лица земли, мне бы от этого не было ни холодно ни жарко. Пока я вежливо переходил от группы к группе, Катберт представлял деликатно мне гостей: «Ты ведь помнишь о...», «Вы, конечно, знакомы с...». Я узнал, что здесь присутствует дама-модельер, продающая в бутике в Тайм Уорнер-Центр предметы одежды, изготовляемые из переработанных отходов, саксофонист из группы джазового *андеграунда*, который только что выступил в Карнеги-холле с классическим оркестром из пятидесяти музыкантов, а также сверходаренный писатель 22 лет от роду, у которого в издательском доме Кнопфа скоро должен выйти «один из самых захватывающих концептуальных романов за десяток лет». Мы не проговорили и полминуты, как он уже принялся рассуждать об авторефлексивной литературе и подробно излагать свой замысел — «написать решительно постмодернистский вариант «Жизни и мнений Тристрама Шенди, джентльмена».

Тем временем приехала Эбби. Именно она вырвала меня из когтей нового воплощения Лоренса Стерна¹. На ней было платье из черного твида² — очень изящное, ненавязчиво открывающее красновато-коричневые плечи под тонкой муслиновой накидкой. Если рассуждать беспристрастно, Эбби была далеко не самой красивой девушкой на вечеринке. Когда она пришла и я встретился с ней взглядом, я уже успел выпить два или три стакана и благополучно забыть, что мы делим кровать и ванную комнату, — разумеется, случайно, так как, несмотря на ее постоянные намеки, мне еще удавалось уговорить ее сохранить свою очаровательную двухуровневую квартиру

---

¹ Автор упомянутого выше романа (1713–1768).

² Плотная саржевая хлопчатобумажная ткань.

в Сохо. На какую-то долю секунды я подумал, что вполне мог бы подойти и приударить за ней.

Запечатлев поцелуй на губах, она увлекла меня за собой, а потом указала на людей вокруг:

— Ну как, удивлен?

— Очень забавно. Я едва не выронил бутылку вина.

— Жаль, пропустила такое зрелище. Как мне бы хотелось тогда видеть твое лицо!

С этими словами она легонько ущипнула меня за щеку — один из тех поступков, которые совершала, желая позлить меня.

— Ты уже заходила к себе?

— Нет, самолет опоздал. Мне даже пришлось переодеться в туалете аэропорта... Какая морока! К счастью, там была Мэрил и помогла мне. Свои чемоданы я оставила на входе.

Grosso modo¹ Мэрил играла в жизни Эбби такую же роль, что Катберт в моей.

— Как мило со стороны Катберта, что он все это устроил, — произнесла она, окидывая взглядом салон.

Я понизил голос:

— Скажи, у тебя есть хоть малейшее представление, кто все эти люди?

— Нет, но, думаю, познакомиться будет забавно...

Эбби была способна слиться практически с любой средой и за несколько секунд завязать приятельские отношения с людьми, о которых ровным счетом ничего не знает. Чего про меня точно не скажешь.

— Ну, и как там Майами?

— Жарко и влажно, ничего нового.

— И все?

— Я ж без продыху! Из аэропорта в гостиницу, из гостиницы в студию... Ты даже себе не представляешь, как я спешила вернуться. И, подумать только, через два дня я снова уезжаю...

---

¹ В общих чертах (*лат.*).

Эбби возвращалась во Флориду на фотосессию для знаменитой косметической марки. Даже на вершине своей неожиданной славы у меня всегда оставалась привилегия — возможность спокойно прогуляться по улицам так, чтобы мне никто не навязывался. Предполагаю, три четверти человечества знает в лицо Бреда Питта или Анджелину Джоли, но сомневаюсь, что даже один процент в состоянии назвать имя хотя бы одного сценариста Голливуда, будь у него в активе выручка даже в несколько сотен миллионов.

Эту привилегию Эбби очень давно потеряла. Когда мы куда-нибудь выходили вместе, я постоянно ощущал, что все смотрят на нас, а точнее, на нее, но в конце концов перестал обращать на это внимание. Она всегда была открыта для общения, охотно позировала для нескольких «фото на память», обменивалась любезными словами с совершенно незнакомыми людьми, но обладала способностью поставить на место, чтобы держать людей на приличном расстоянии. В общественных местах рядом с ней мне часто было не по себе; я не мог отделаться от мысли, что в нашей паре представляю собой слабое звено. На улице, в ресторане, на вечеринках я всегда представлял себе, как присутствующие немного растерянно спрашивают друг друга: «Кто этот тип, который под руку с Эбби Уильямс?»

Свою же собственную жизнь Эбби в конце концов упустила. Параметры ее тела можно узнать в большинстве дамских журналов. Ее известность возросла после появления в нескольких модных сериалах, которые я никогда не смотрел. Эбби попадала на обложку если не «Вог», то «Вэнити фэйр». В начале года она стала героиней «Шоу Ларри Кинга» — замечательное представление, где Ларри под бурные аплодисменты зрителей сделал незабываемый вывод: «Вы столь же милы, сколь красивы!» Эбби умела дать то, что от нее ждали. Она много путешествовала, издала два курса оздоровления и, как и другие себе подобные, с неизменным профессионализ-

мом участвовала в гуманитарных и благотворительных акциях.

Но эта жизнь была для нее всего лишь видимостью. Эбби любила читать Вирджинию Вулф и Джеймса Джойса — среди тех, кого я знал, она была единственной, кто дошел до конца «Поминок по Финнегану»¹, мечтает подняться на подмости, чтобы играть Теннесси Уильямса, и намного превосходит меня по умственным способностям. Однажды мы от нечего делать прошли тест на IQ, и она легко меня обставила, не испытав от этого особой гордости. Эбби часто мне говорила, что не собирается доживать до старости в этой профессии и однажды удалится на ранчо в Монтане, чтобы жить среди лошадей. Эта несуразная мысль пришла к ней несколько месяцев назад после того, как она два или три раза затащила меня в кино посмотреть последний фильм с Робертом Редфордом.

— Хочешь стаканчик?

— Не сейчас. Сперва хотелось бы сигарету... но у меня с собой ничего нет.

— Спроси у Памелы.

— А кто это?

— Памела-«Ой-я-не-знаю». Творческая девушка, та, с которой я общалась... ну, та, что все говорит и говорит. Вот уже две минуты, как она разминает сигарету в пальцах, но так ее и не прикурила. Не сомневаюсь, завязавшая курильщица.

Эбби приблизилась ко мне и снова поцеловала — на этот раз в щеку.

— Сегодня уходим вместе?

Она в совершенстве владела навыком придать легкую и безразличную интонацию вопросам, ответить на которые, как она знала, для меня не так-то просто.

— Конечно, вместе! — ответил я с чуть преувеличенным воодушевлением в голосе.

---

¹ Крайне сложный авангардный роман Джойса (1939).